

Российско-британское соглашение по Афганистану 1907 г.: анализ позиций сторон в ходе переговоров

Симонов Константин Викторович, кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный институт физической культуры

К концу 1905 г. после длительного периода соперничества, взаимной подозрительности и откровенно враждебных действий отношения России и Великобритании приобрели новую динамику. Изменившаяся международная обстановка потребовала от них начать поиск путей для разрешения противоречий, которые на протяжении многих десятилетий способствовали развитию англо-русского конфликта. Средний Восток был регионом, где концентрировалась основная масса этих противоречий, где наиболее остро сталкивались интересы обеих держав. Вместе с персидской и тибетской, разрешение проблемы Афганистана в российско-британских отношениях должно было способствовать снятию этих противоречий и прекращению конфликта.

Ключевые слова: дипломатия, переговоры, Россия, Великобритания, Афганистан, проект соглашения

14/27 апреля 1907 г. в Петербурге Особое совещание по афганскому вопросу рассмотрело предложения британского кабинета, переданные английским послом в Петербурге А. Никольсоном министру иностранных дел А.П. Извольскому 23 февраля [6, с. 80-81]. Тон обсуждению задавал глава российской дипломатии, который, открывая заседание, заявил: «Общее положение дел, создавшееся вследствие войны и... внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными потребностями страны и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов» [1]. А.П. Извольского поддержал министр финансов В.Н. Коковцов. «Важность соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже... поступиться стратегическими соображениями, которые... связаны у нас с афганским вопросом», - указал он [2].

Далее собравшиеся приступили к детальному анализу каждого пункта британских предложений. Пункты 2-й и 5-й были приняты без каких-либо оговорок. Расхождения во мнениях выявилось прежде всего по 1-му пункту, в котором оговаривались: а) признание Афганистана лежащим вне сферы российского влияния и б) английский контроль над его внешней политикой. С первым положением согласились все участники совещания, но второе было ими отклонено. Наиболее решительно против его принятия высказался В.Н. Коковцов, указавший, что «признание... права контроля Англии над международными сношениями Афганистана» равносильно «признанию английского протектората над этой страной» [3, с. 29]. Поэтому он предложил «вместо текста второй части первого пункта английских предложений... указать лишь, что Россия отказывается от непосредственных политических сношений с главою Афганистана» [3, с. 29]. А.П. Извольский поддержал министра финансов, добавив, что, по его «твердому убеждению», от британской стороны следует потребовать гарантий: «1) что она не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны и 2) что она не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России» [3, с. 29].

Пункт 3-й английских предложений, где оговаривался отказ царского правительства от посылки коммерческих агентов в Афганистан, также не был принят в первоначальной редакции. Участники совещания высказались за внесение в его первоначальный текст целого ряда поправок и уточнений. Так, министр торговли и промышленности

Д.А. Философов указал на необходимость добиться подобного же обязательства и от Англии, а начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын предложил уточнить, что, «отказываясь ныне от посылки торговых агентов в Афганистан», Россия оставляет за собой право «впоследствии... возбудить этот вопрос» [3, с. 30]. С точки зрения министра финансов, 3-й пункт следовало редактировать, конкретно указав на то, что российское правительство в случае возникновения необходимости направить коммерческого агента в Афганистан предварительно обсудит этот вопрос с британской стороной. Предложения Ф.Ф. Палицына и В.Н. Коковцова были признаны наиболее отвечающими целям российской политики и совещание высказалось за желательность найти такую формулировку пункта 3-го, которая, учитывая мнение Лондона, оставляла бы за Россией право впоследствии вновь вернуться к обсуждению этого вопроса [3, с.30].

Многочисленные протесты вызвал и 4-й пункт английских предложений с требованием отказа царского правительства от т.н. «премирования» экспорта российских товаров в Афганистан. Самые решительные возражения по этому поводу высказал Д.А. Философов. Он заявил, что никаких специальных премий на вывоз в афганские владения не существует и англичане, видимо, имели в виду особую процедуру, предусматривающую возврат таможенными органами России сборов на отдельные товары, а именно: пошлины на хлопчатобумажные изделия, а также акциза на сахар и керосин. Однако эта мера, указал он, «распространена на всем протяжении границ Империи», а не только на ее афганском участке, а потому «требование Великобритании несправедливо» и правительству едва ли следует идти ей на уступки в этом вопросе [3, с. 31]. Точку зрения министра торговли и промышленности, как чуть позже выяснилось, разделял и А.П. Извольский [5, р. 534].

Решения, выработанные на совещании, легли в основу текста российского проекта конвенции, который 15 мая 1907 г. был направлен А. Никольсону. Царское правительство признавало Афганистан лежащим вне сферы своего влияния, обязывалось «все политические отношения» с ним вести «при посредстве правительства Его величества» и не посылать торговых агентов в эту страну. Оба участника соглашения должны были уважать суверенитет эмира, не вмешиваться во внутренние дела его территорий и не пытаться аннексировать какую-либо их часть. Российская сторона обязывалась не предпринимать мер, угрожающих афганской границе, а британская - использовать свое влия-

яние в Афганистане только в дружественном в отношении России духе. В проекте также говорилось об установлении прямых контактов между властями пограничных провинций России и Афганистана по местным неполитическим вопросам. Статья, посвященная русско-афганской торговле, также была сформулирована в соответствии с итоговыми решениями Особого совещания 14/27 апреля [5, р. 533-535].

Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей, получив текст проекта афганской конвенции, представленный российской стороной, направил его для изучения государственным чиновниками, ответственным за проведение афганской политики Великобритании. Лишь изучив их мнение английский МИД мог подготовить цельный контрпроект. Однако здесь лондонские власти натолкнулись на стойкое сопротивление колониальной администрации Индии. Вице-король и его окружение выступили против подписания какого бы то ни было договора с Россией. По словам индийского историка Д. Сингхала, «Минто [вице-король Индии в 1905-1910 гг. — К.С.] опасался, что соглашение... приведет к падению британского влияния в Афганистане» [8, р. 175]. Секретарь Комитета имперской обороны Дж. Кларк, комментируя предложения Петербурга, указал, что «Россия желает обладать в Афганистане теми же позициями, что и Великобритания» и призвал кабинет прекратить переговоры [7, р. 69]. Главнокомандующий англо-индийской армией генерал Г. Китченер придерживался мнения, что союз с Россией нарушит уже сформировавшиеся основы индо-афганских отношений и рекомендовал Лондону отложить на неопределенный срок подписание конвенции [7, р. 69].

Несмотря на разногласия, возникшие с представителями англо-индийской колониальной администрации в Калькутте и лично с вице-королем, Э. Грей, министр по делам Индии Дж. Морли и другие министры-либералы в Лондоне были настроены твердо следовать намеченным курсом и выступали за скорейшее заключение соглашения с Россией по Персии, Афганистану и Тибету [5, р. 536].

Ряд важных замечаний и ценных предложений к готовившемуся тексту британского проекта афганской конвенции внес Ч. Гардинг, бывший британский посол в Петербурге, занимавший теперь пост постоянного помощника министра иностранных дел. 7 июня он направил Э. Грею докладную записку, в которой подробно проанализировал предложения царских дипломатов, а также изложил собственное видение условий договора с Россией. В частности, он обратил внимание на недостаточную, по его мнению, точность формулировок в проекте А.П. Извольского, раскрывавших конкретное содержание политики обеих сторон на границах Афганистана. Ч. Гардинг, в частности, советовал исключить из текста, предложенного Петербургом, фразы, где шла речь об обязательстве России «не предпринимать мер, которые могли бы рассматриваться угрожающими афганской границе», и о запрете Великобритании «подталкивать Афганистан к принятию любого рода мер, угрожающих России», поскольку их трудно правильным образом понять, а значит и верно интерпретировать.

Для большей убедительности он сформулировал для Э. Грея следующие вопросы: «Если афганцы решат начать строительство новых укреплений близ русской границы, должно ли английское правительство помешать этому? И следует ли, к примеру, прокладывать российской железной дороги в Термез и усиление гарнизона в Ташкенте рассматривать в качестве мер, угрожающих афганской гра-

нице»? «Каков тот предел, после которого действия одной из сторон можно уже рассматривать угрожающими интересам другой?», - спрашивал Ч. Гардинг [5, р. 540-541]. Он также поддержал предложение А. Никольсона внести в текст контрпроекта особое уточнение о том, что прямые контакты между русскими и афганскими властями станут осуществляться только с согласия эмира, а склонить его к этому должно британское правительство. Высказанная идея была без колебаний одобрена Э. Греем, ибо в этом случае Россия лишалась права самостоятельно добиваться поставленной цели (в договоре появилось бы условие об обязательном британском участии в формировании адекватной позиции Кабула). Кроме того, реализация планов Ч. Гардинга и А. Никольсона позволяла лондонскому кабинету и далее активно влиять на формирование внешнеполитического курса Афганистана.

У самого британского министра иностранных дел возражения вызвала ст.1 российского проекта соглашения, в которой Афганистан назывался «буферным государством». По мысли Э. Грея, следовало полностью исключить из данной характеристики и целиком исключить названную статью из договора. На случай, если царские дипломаты решили бы настоять на своем, он готов был предложить компромиссный вариант: в преамбуле конвенции упомянуть о «географическом положении» Афганистана как «стране, лежащей между британской и российской территориями» [5, р. 536].

К началу июня рекомендации и соображения по проекту А.П. Извольского были изучены в министерстве иностранных дел Великобритании. Итогом этого стала разработка контрпроекта на предложения Петербурга. В российский документ ожидаемо был внесен ряд весьма существенных изменений.

Не осталось никакого упоминания об Афганистане как «буфере» между азиатскими владениями Англии и России. Статья 1 гласила, что царское правительство признает Афганистан лежащим вне сферы своего влияния и все политические отношения с ним станут вести «при посредстве правительства Его величества».

В статье 2 речь шла об основах британской и российской политики в Афганистане. Английская сторона обязывалась: а) не аннексировать какую-либо часть Афганистана и не вмешиваться в его внутреннее управление (последнее словосочетание Э. Грей счел более подходящим, чем фраза «внутренние дела» из российского проекта), если эмир останется верен соглашениям, подписанным с британским правительством [5, р. 537]; б) использовать свое влияние в Афганистане в миролюбивом духе в отношении России и не поощрять его к принятию каких-либо мер, угрожающих русской границе. Заключительная часть 2-й статьи английского контрпроекта касалась обязательств царского правительства, которому также предписывалось не аннексировать никакой части Афганистана, не вмешиваться в его внутреннее управление и не предпринимать шагов, угрожающих его границе.

Статья 3 лишала Россию права направлять торговых агентов в Афганистан, однако с оговоркой, что «в будущем, если развитие коммерческих связей укажет на полезность этого, оба правительства придут к нужному соглашению».

Установление прямых отношений между русскими и афганскими пограничными властями по местным вопросам неполитического характера, «с согласия эмира, которого попытается достичь правительство Его величества», было зафиксировано в 4-й статье английского проекта кон-

венции.

5-я, заключительная, статья содержала обязательство британской стороны использовать все свое влияние на эмира с целью обеспечения действия в Афганистане принципа «открытых дверей и равных коммерческих возможностей» для России и Афганистана [5, p. 539].

17 июня А. Никольсон вручил текст британского контрпроекта А.П. Извольскому и в ходе состоявшейся тогда же личной беседы с российским министром проявил позицию лондонского кабинета [4, p. 79]. Он указал, что термин «буферное государство» может быть использован лишь в разговорной речи, но никак не в межправительственном соглашении, поскольку в этом случае станут возможны различные его интерпретации. Именно желая избежать двусмысленного толкования данного понятия английские власти и исключили из русского проекта всякое упоминание об Афганистане как о «буферном государстве», - объяснил британский посол. Далее, коснувшись обязательств двух стран не вмешиваться во внутренние афганские дела, А. Никольсон выступил в защиту тех условий соблюдения данных обязательств Англией, которые специально оговаривались в предложенном контрпроекте. По его словам, «слишком общая формулировка статьи, заставляющей Великобританию отказаться от вмеша-

тельства в дела Афганистана... приведет [эмира - К.С.] к мысли, что мы ни при каких обстоятельствах не предпримем мер для обеспечения соблюдения им условий договора [1905 г. - К.С.]» [5, p. 545].

Британский посол, отстаивая выгодную английской стороне формулировку, основывался на оценке возможных перспектив развития политических отношений с афганским эмиром, данной Э. Греем, который допускал, что в ближайшем или отдаленном будущем «может возникнуть необходимость предпринять новую экспедицию в Кабул», имея в виду, конечно, военное вторжение и захват афганской столицы [5, p. 537].

Не менее настойчиво английский дипломат убеждал А.П. Извольского и в необходимости заручиться согласием Хабибуллы-хана с условиями 4-й и 5-й статей британского проекта конвенции. «Мы не можем связать эмира какими-либо обязательствами без его согласия и потому вынуждены сделать соответствующую оговорку», - указал А. Никольсон [5, p. 545].

Переговоры вступали в новую, решающую, фазу, содержанием которой должна была стать разработка приемлемого для обеих сторон варианта афганской конвенции и согласование итоговых условий дальнейшего взаимодействия Великобритании и России по афганским делам.

Литература:

1. Журнал заседания Особого совещания по афганскому вопросу 14 апреля 1907 г. // Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Ф.147. Среднеазиатский стол. Оп.486. Д.232. Л.46.
2. Там же. Л. 47.
3. Журнал заседания Особого совещания по афганскому вопросу 14 апреля 1907 г. // Красный архив.1935.Т. 2-3 (69-70). С. 3-35.
4. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Series A, Russia 1859-1914. Vol.5 1907-1909. Washington: University Publications of America Inc., 1983. – 396 p.
5. British Documents on the Origin of the War. 1898 – 1914. Vol. 4. N.Y.: Jonson reprint corp., 1967. – 866 p.
6. Симонов К.В. Российско-британское соглашение 1907 г. по Афганистану: подготовка и начало переговорного процесса // Научные аспекты современных исследований. Сборник научных работ 42-й Международной научной конференции Евразийского научного объединения (г. Москва, август 2018 г.). № 8 (42), т.2. М.: ЕНО, 2018. С. 79-82.
7. Adamec L. Afghanistan. 1900 - 1923. A Diplomatic History. Los Angeles: University of California Press, 1965. - 245 p.
8. Singhal D.P. India and Afghanistan. 1876-1907. A Study a Diplomatic Relations. Queensland: University of Queensland Press, 1963. – 216 p.